

Все как следует потрудились, и вот наступило время обеда. Хотя производственная бригада брала на себя расходы по полуденной трапезе, есть предстояло на открытой площадке перед конторой.

Гу Юй и Шэнь Цзянань, закинув на плечи нехитрый сельхозинвентарь, вразвалочку побрели за толпой в ту сторону. Едва они добрались до места, как Бай Цюлянь, жена Чжао Гана, за руку с младшей дочуркой уже стояла неподалеку и, высоко подняв подбородок, зазывающе махала им рукой.

У девчушки были заплетены две косички, а на голове красовалась та самая резинка, которую подарил Шэнь Цзянань. Выглядело очень красиво. Переглянувшись, оба парня тут же поспешили навстречу и окликнули женщину:

— Тетя Цюлянь.

— Ась! — с улыбкой отозвалась Бай Цюлянь, а малышка звонко подхватила:

— Братец Цзянань, братец Гу, привет!

— И тебе привет, малышка.

Они улыбнулись, сузив глаза, и помахали ей в ответ. Девчушка хихикнула пару раз и смущенно убежала.

— Вот егоза, — беззлобно бросила ей вслед Бай Цюлянь. — Только далеко не убéги!

После этого она протянула парням два алюминиевых котелка, которые держала при себе, и понизила голос:

— Это тетя дома для вас приготовила. Моей малышке очень понравилась та резинка, но в следующий раз не тратьтесь понапрасну, больно уж дорого она выглядит.

Только послушайте, как умело она подбирает слова! Резинку-то подарил один Шэнь Цзянань, а она сказала «для вас». Общаться с умными людьми — одно удовольствие, никаких лишних хлопот.

— Недорого, к тому же мы не каждый день их дарим, — Шэнь Цзянань с улыбкой отмахнулся.
— Главное, чтобы малышке понравилось.

Услышав это, Бай Цюлянь заулыбалась еще шире и буквально всучила им котелки в руки:

— Ешьте давай скорее, а посуду вернете, когда удобно будет.

Сказав это, она тут же отправилась помогать раздавать еду остальным колхозникам, не оставив

парням ни единого шанса на отговорки. Шэнь Цзянаню пришлось отправить Гу Юя забрать их общую пайку, чтобы уйти с ней куда-нибудь в уединенное место.

В конце концов, они собирались есть по отдельному меню, светиться с этим перед людьми ни к чему. Наберись тут всяких нерях с толстой кожей, которые норовят залезть палками в чужую миску, — и что тогда, голодными оставаться?

Не стоит винить его в мелочности, просто некоторые люди ведут себя откровенно неряшливо: на палочках висят кусочки овощей, шкурки от перца — и лезут ими в чужую тарелку. Это же просто отвратительно.

В прошлом прежний хозяин тела из-за подобных выходок уже скандалил и с другими городскими юношами, и с местными жителями, а те в ответ только обвиняли его в высокомерии. Сам же он тоже терпеть не мог подобные манеры.

Они обошли стороной раскидистое дерево, под которым так любила собираться вся артель, и устроились на самом краю площадки, подальше от остальных. Здесь вовсю припекало солнце, сельчане жару не любили и держались в тени, так что это место подходило им идеально.

Шэнь Цзянань сорвал пучок травы, смахнул пыль с придорожного камня и только после этого удовлетворенно опустил на него. Он легко поддел крышку котелка — и тут же замер от удивления.

Внутри лежала половина зерновой похлебки грубого помола, а вторая половина была доверху забита едой, утрамбованной на совесть.

Само по себе это еще ничего не значило, но вот те самые овощи оказались щедро сдобрены свиным жиром, яйцами, зеленым луком и парой ломтиков соленого мяса. И дело было даже не в деревне — в городе большая часть семей не позволила бы себе питаться так роскошно!

Зерно еще не поделили, с продовольствием было туго, люди в основном перебивались жидкими кашами да зеленью. А такие дорогие вещи, как яйца, бережно приберегали на черный день, когда в семье наступал совсем уж голод или случалась какая-то нужда, чтобы использовать их вместо денег.

Но Бай Цюлянь приготовила для них сразу две такие порции. Шэнь Цзянань, тронутый до глубины души, в то же время чувствовал легкую досаду из-за подобного «транжирства».

И дело тут было вовсе не в показном благородстве. Паяк еще не выдали, и хотя их провинция считалась житницей, где собирали по два урожая в год, после всех обязательных государственных поставок людям оставалось до обидного мало.

В семьях, где ртов было много, а трудодней зарабатывалось мало, приходилось затягивать

пояса и терпеть голод. Чжао Ган хоть и занимался всеми делами в качестве бригадира, а старики и трое детей тоже вносили свой вклад, но...

Кроме него самого, Бай Цюлян и старшего сына по имени Чжао Мин, которые зарабатывали полный пай, двое стариков и трое младших детей получали лишь по шесть-семь баллов, а то и того меньше.

У них было четверо детей: старшему, Чжао Мину, исполнилось семнадцать, второму, Чжао Тяню, — пятнадцать, третьему, Чжао Циню, — тринадцать, а младшей, Чжао Цзинцзин по прозвищу Сяо-Ни, едва стукнуло семь.

Если не считать девчонку, остальные мальчишки были уже подростками — в том самом возрасте, когда едят за двоих. Дай им волю — они бы деревянную кадку для варки риса сгрызли.

Именно поэтому, увидев содержимое котелков, Шэнь Цзянань и испытал такие смешанные чувства. Гу Юй, заметив его нерешительность, немного подумал и произнес:

— Ешь. Я хоть и не так близко общаюсь с ними, но за эти годы успел кое-кого раскусить.

Бригадир Чжао и тетя Бай совсем не похожи на остальных: они не притесняют людей, не подлизываются к начальству и не пытаются поживиться за чужой счет.

Если мы откажемся от этой еды, они, пожалуй, еще и резинки нам вернут, а тогда все наши только что налаженные связи пойдут прахом.

К тому же возвращать сейчас уже поздно — они не только не возьмут, но еще и решат, что мы набиваем себе цену и пренебрегаем ими.

Шэнь Цзянань, поразмыслив, признал его правоту. Он с веселой улыбкой переложил часть еды из одного котелка в миску Гу Юя, а вторую порцию оставил нетронутой: плотно закрыл крышкой и отставил в сторону.

— Как поедим, сгоняй быстренько к скотному двору, отнеси им.

Гу Юй на секунду замер над палочками для еды, но тут же с улыбкой кивнул:

— Хорошо.

После этого он в несколько приемов быстро умял свою жиденькую кашу, в которой отражалось небо, утер рот, подхватил котелок и бегом пустился в путь. Шэнь Цзянань улыбнулся и тоже налетел на еду, в мгновение ока расправившись со своей порцией.

Сложив миски вместе, он поднялся, вышел с территории стана и направился прямо в поле. Вскоре его догнал Гу Юй.

Заметив, с каким легким и быстрым шагом тот возвращается, Шэнь Цзянань поддразнил его с улыбкой:

— Ну что, старики опять расплакались?

— Ага! — Гу Юй невольно усмехнулся. — Все плакали, благодарили тебя и говорили, что если им посчастливится вернуться в город, они обязательно найдут способ отплатить за добро.

Шэнь Цзянань промолчал на это. Что будет потом — никому не ведомо, а ему требовалась вполне осязаемая польза здесь и сейчас. Помогал он старикам по двум причинам: во-первых, ему искренне было жаль этих несправедливо униженных людей, а во-вторых, он надеялся почерпнуть у них хоть какие-то знания.

Он свято верил, что знания способны изменить судьбу, и какую бы науку ни преподали эти старики, лишь бы она пошла на пользу им с Гу Юем, он не упустит ни единого шанса на учебу.

До того как оказаться на исправительных работах, эти люди были настоящими светилами в самых разных областях. Стоило пробыть под их началом хоть немного, и полученного багажа хватило бы на всю жизнь.

Поэтому, как только родные пришлют ему учебные материалы, его путь к настоящим знаниям начнется официально.

Внезапно резкий, пронзительный свисток, возвещавший о начале работ, оборвал его мысли. Они с Гу Юем вновь вернулись на поля.

Однако не прошло и много времени, как поднялся свирепый ветер, небо в мгновение ока заволокло тучами, и тяжелые черные облака постепенно заслонили солнце. Вокруг сразу стало заметно холоднее.

Стоявший на полевой меже Чжао Хунцзюнь испуганно закричал:

— Быстро все по домам!

Голос его сорвался на фальцет. Сельчане в панике схватили инвентарь и бросились в деревню. Гу Юй спешно взвалил на плечи обе мотыги и, ухватив Шэнь Цзянаня за руку, помчался следом.

Но стоило им добраться до подножия горы, как они увидели двух детей: те с трудом пробивались вперед против ветра, надрываясь под тяжестью заплечных корзин.

Приглядевшись, они узнали младшего сына Чжао Хунцзюня — Чжао Сяофэна — и его сестру-близняшку Чжао Сяоминь. Гу Юй тут же швырнул мотыги в кучу камней, и они с Шэнь Цзянанем подхватили ребятишек на руки и побежали в гору.

В этот миг откуда-то издалека донесся раскатистый грохот, быстро приближавшийся к ним. Молнии полосовали угольно-черные тучи, испуская зловещие багровые вспышки.

С неба хлынул проливной дождь. Задыхаясь от бега, парни влетели во двор вместе с детьми и спрятались под соломенной крышей, даже не заметив, как впопыхах потеряли обуви.

Едва переступив порог, Гу Юй затолкал старшего и двоих малышей в самый дальний угол, а сам ловко принялся перетаскивать на кану рулоны ткани, лежавшие на столе. Накрыв их толстым ватным одеялом и циновкой, он прижал все это сверху тяжелой деревянной доской.

Хижина эта давно обветшала и в лучшие времена продувалась всеми ветрами да протекала, а в такой ливень он опасался худшего. Если бы крыша не выдержала и вода добралась до рулонов, пропал бы весь материал.

Грохм... Бах!

Ветер на мгновение стих, небеса вновь сотряслись от громовых раскатов, и с высоты градом хлынули ледяные шарушки размером с куриное яйцо. Они забарабанили по крыше с такой силой, что та заходила ходуном и затрещала по швам.

Лицо Гу Юй помрачнело, он стремглав бросился к детям, закрывая их собой. Не прошло и минуты, как под страшным напором стихии крыша рухнула внутрь, и дети испуганно завопили на разные голоса.

К счастью, они сидели в углу, где уцелел опорный столб, да и тяжелая балка перекрытия приняла основной удар на себя, не позволив обломкам завалить их насмерть.

Прижав к себе ребят всем телом, Гу Юй поднял голову: над ними зияла огромная дыра в крыше, сквозь которую продолжал сыпаться град. Схватив стоявший рядом перевернутый таз, он подтащил стол к окну и соорудил над головами детей подобие защиты.

Постепенно стихавший град с яростным стуком молотил по крышке стола. Дети, дрожа от страха и холода, жалобно захныкали:

— Папа, мама...

Шэнь Цзянань, у которого сердце все еще колотилось где-то в горле, судорожно вздохнул, полез в карман и, вытащив две карамельки, сунул им по штуке в рот:

— Не плачьте, тише! Вот перестанет сыпать град, мы сразу отведем вас к родителям.

— Угу... — шмыгнули носом те.

Сладость во рту немного успокоила их: хотя страх еще не прошел, они послушно затихли. К счастью, ледяной шторм продлился недолго.

Глядя на усеявшую всю землю и уже начавшую таять ледяную крошку, Шэнь Цзянань почувствовал, как у него на душе скребут кошки. До жатвы риса оставалось меньше месяца, после чего предстояло убирать кукурузу, но теперь...

Он перевел взгляд на Гу Юя и, заметив на его лице такое же мрачное беспокойство, легонько дернул его за рукав:

— Братец Гу.

— Мм! — отозвался тот, поднимая детей на руки, и первым выбрался из-под стола. — Пошли, сначала отведем ребятишек домой.

— Угу.

Шэнь Цзянань вылез следом, поднялся на ноги, и они, взвалив по ребенку на спины, осторожно ступая по ледяному крошеву, двинулись вниз с горы. Не успели они дойти до подножия, как до их слуха донеслись отчаянные, разрывающие душу крики:

— Папа, очнись же, папа!

— Цзяньго, скорее позови кого-нибудь помочь отвезти деда в городскую больницу!

— Понял...

— Помогите! Ради бога, помогите кто-нибудь, маму ранило!

— Ой-ёй! Что это с тетей Цзюхуа?

Они переглянулись и ускорили шаг. Стоило им выйти к подножию и свернуть за угол, как перед глазами предстала удручающая картина: многие дома были разрушены, поля в низине побелели от града, а все посевы превратились в сплошное месиво.

Все кончено! Глаза обоих покраснели. Зерно — это же жизнь для каждого из них! Теперь оставалось лишь гадать, сколько людей снова познают голод.

— Сяофэн! Сяоминь!

Где вы? Отзовитесь папе с мамой!

— Сяофэн, Сяоминь! Ой... Слышите, как дедушка с бабушкой вас зовут?

— Это папа с мамой! И дедушка с бабушкой!

Малыши заворочались у них за спинами и залились слезами:

— Папа, мама, мы здесь! Папа, мама, у-у-у...

— Не крутитесь, упадете, — Гу Юй слегка наклонил голову и предостерегающе шепнул: — Братец отвезет вас к ним.

С этими словами они с Шэнь Цзянанем, продолжая нести детей на закорках, двинулись вперед, крича на ходу:

— Писарь Чжао! Сяофэн и Сяоминь здесь!

Услышав это, дети тоже подхватили:

— Папа, мама, мы тут!

Семья Чжао Хунцзюня, услышав голоса, бросилась на зов. Увидев издалека целых и невредимых ребятишек, сидевших у парней на спинах, домашние разом рухнули от облегчения.

Но тут же, рыдая, припустили к ним навстречу. Наперебой благодаря парней, они подхватили детей на руки, прижали к груди и принялись одновременно плакать и бранить их.

А сами дети, увидев залитое кровью лицо отца, испугались пуще прежнего и заревели в голос:

— Папа, что с тобой? Тебе больно?

Чжао Хунцзюнь ничего не ответил. Прижав к себе дочь и глядя на сына покрасневшими глазами, он рывкнул на него:

— Ах ты паршивец эдакий, какого черта тебя понесло шататься? Если б вы пропали, что бы делали мы с мамой и дедушка с бабушкой?!

— Мы... мы не шатались, мы ходили собирать траву для свиней! — всхлипывая, спрятался в объятиях бабушки Сяофэн.

Чжао Хунцзюнь, у которого от злости все внутри закипело, передал любимую дочку жене Ли

Шуцинъ, замахнулся и отвесил сыну звонкую оплеуху по мягкому месту:

— И еще споришь! Разве я не велел вам оставаться дома?!

Следом прилетел второй шлепок, посильнее прежнего. Ребенок был маленький, от таких ударов ему стало больно, и он заплакал еще горше.

Дедушка с бабушкой сначала и сами хотели, чтобы внук запомнил этот урок раз и навсегда, поэтому не стали останавливать отца. Но стоило тому ударить мальчика, как в их сердцах тут же разыгралась жалость.

Разгневанные старики принялись лупить уже самого Чжао Хунцзюня, затянув целый парад шлепков по спине:

— Совсем с ума сошел, зачем со зла так сильно бить?!

Старейшина Чжао ударил сына пару раз и сам расплакался:

— Главное, что дети целы. Вернемся — отчитаешь как следует, зачем же калечить парня?

— Знаю я... — сдавленно кивнул Чжао Хунцзюнь.

Вообще-то он не был строгим отцом, но в этот раз его просто переполняли эмоции. Дети росли послушными, с младых ногтей понимали нужды семьи, сами ходили рвать траву для цыплят и помогали по хозяйству.

Но сегодня солнце палило нещадно, и он строго-настрого запретил им выходить, опасаясь солнечного удара. Однако ребятня не послушалась и тайком ускользнула со двора, пока взрослые были на работе.

Когда начался град, он как раз побежал за женой, старшим сыном и стариками, из-за чего немного задержался. Добравшись до порога, они застали самое начало бури, а вбежав в избу, с ужасом обнаружили, что младших дома нет.

Обезумев от страха и гнева, он нахлобучил бамбуковую шляпу и бросился на поиски, но налетевший порыв ветра сорвал ее в мгновение ока. Не успел он увернуться, как градины разбили ему все лицо и голову.

Пожалуй, те несколько минут, что он потратил на поиски в доме, спасли его от самого жуткого удара стихии, иначе он вполне мог погибнуть еще до того, как нашел детей.

Если уж он, взрослый мужик, получил такие травмы, то что говорить о малышах? Не встретить они Гу Юя и Шэнь Цзяня, остались бы те в живых? Вот почему он так разъярился и сорвал злость на сыне.

Отрезвленно вздохнув, Чжао Хунцзюнь поднялся на ноги, с благодарностью глядя на Шэнь Цзянаня и Гу Юя, и снова поклонился со слезами на глазах:

— Спасибо вам! Если бы не вы, моим детям точно не поздоровилось бы.

Он ни капли не преувеличивал: по дороге сюда он слышал, как отец Чжао Цзяньчэня пытался загнать во двор кур и получил тяжелый удар градом по голове, потеряв сознание.

А тетя Цзюхуа поскользнулась, упав по дороге домой, и ей тоже разбило голову градом. Наверняка их обоих односельчане уже везут в районную амбулаторию.

— Что вы такое говорите, писарь Чжао, на нашем месте любой бы помог, — тихо произнес Шэнь Цзянань. — Другое дело, что ребятишки сильно испугались. Вам нужно понаблюдать за ними вечером, как бы жар не поднялся.

— Да-да, я понял.

Чжао Хунцзюнь закивал, а потом с тревожной ноткой в голосе спросил:

— Град был страшный... Ваша хижина устояла?

Парни переглянулись и горько усмехнулись:

— Крыши больше нет, жить там пока невозможно.

— Тогда перебирайтесь к нам! — решительно поднялась Ли Шуцинь, с теплой улыбкой глядя на них. — Только комнат в доме мало, уж не обессудьте, придется потесниться в детской у Сяофэна и Сяомина.

В их доме ютилась большая компания: они впятером с родителями мужа, семья младшего брата Чжао Цзяньшэ из трех человек, да еще золовка Чжао Минфэн, так что жилплощадь была на вес золота.

Комната детей представляла собой отгороженную досками каморку, где раньше был чулан. Она была настолько узкой, что там едва помещались две детские кровати да маленький столик со стулом, а посередине висела занавеска. Передвигаться там приходилось с осторожностью, чтобы обо что-нибудь не стукнуться.

Но Ли Шуцинь приглашала их от всего сердца. Еще в обед муж рассказал ей про те заколки, и она уже собиралась отправить парней вечером тайком от лишних глаз с ответным подарком.

И вот теперь такое несчастье! Эти двое спасли ее детей, так неужели они оставят их под открытым небом?

Старики и сам Чжао Хунцзюнь думали точно так же и наперебой принялись звать Гу Юя и Шэнь Цзянаня к себе.

Немного подумав, те согласились. Их полуразрушенный домишко на склоне холма был сейчас непригоден для жилья, и кроме кошары со скотом да общежития для городской молодежи податься им было некуда.

В кошаре и так яблоку негде упасть, старикам-ссылным там самим тесно, а суйся туда они — и придется спать вповалку с поросятами.

Что же касается общежития интеллигенции, то там вечно стоял галдеж, к тому же обитала Цзян Хунмэй. Заявись они туда сейчас — это же прямо напрашиваться на неприятности.

Поэтому дом Чжао Хунцзюня оставался лучшим выбором, хотя они, конечно, не собирались засиживаться там надолго.

Шэнь Цзянань мысленно прикинул, что нужно будет нанять пару человек, быстро починить хижину и съехать обратно. Жить чужим бременем слишком долго — не лучшее подспорье для их с Гу Юем планов.

— Ну раз так, мы нагрянем к вам в гости. Сходим пока соберем вещи.

Попрощавшись кивком, они вернулись к подножию горы, забрали спрятанный инвентарь и поднялись к себе, чтобы навести порядок в развалинах.

Что же до Чжао Хунцзюня, то он отправил стариков, жену и детей домой, а сам прямо на дороге сорвал пучок горькой полыни, прижал ее к ране на голове, удерживая рукой, и хромой походкой направился к конторе бригады на экстренное совещание партактива.

Теперь, когда урожай побит градом, им предстояло срочно искать выход из положения. Иначе, оставив даже мысли о сдаче обязательных поставок государству, вопрос банального выживания и пропитания людей становился острее некуда.

<http://bllate.org/book/22418/2353683>